

ния — прославление своих местных героев с целью усиления новой архиепископии среди других архиепископских кафедр, — это прославление казаков отражало также оценку похода Ермака официальной властью в период усиления централизации Русского государства.

В 1636 г. прославление казаков в неделю православия было утверждено «советом освященного собора, святейшим патриархом Филаретом и государем царем Михаилом Федоровичем всеа Руси».¹⁰ Очевидно, что составление повести Есипова в 1636 г. связано именно с этим событием. Привлечение Есиповым синодика, включение в повесть истории его составления дают возможность утверждать, что повесть создавалась также при тобольской архиепископии.

У нас нет сведений о том, почему утверждение поминания казаков и повесть Есипова появились именно в 1636 г.¹¹ Повесть Есипова (анализ характера повести не входит в задачу настоящей статьи) — памятник, свидетельствующий об отражении в общественной мысли XVII в. новых явлений в русской жизни: включения в состав Русского государства Сибири, превращения Русского государства в государство многонациональное. Однако в оценке похода Ермака повесть очень близка синодику, что и дает нам возможность говорить об официальной оценке похода Ермака и в повести Есипова.

Во вступительной части синодика и в главе седьмой повести Есипова («О пришествии Ермакове в Сибирь») ¹² казаки прославляются за подвиг — приведение «бесурманской» Сибири к христианству. Это событие предопределено было свыше: «бог послал очистити место и победити бесурманского царя Кучума». Казаки — избранники бога, исполнители его воли, верные слуги царя.

Синодик и повесть Есипова отмечают, что выбор бога пал не на «славных мужей» и не на «царских воевод» — «от простых людей» избрал бог и послал атамана Ермака с казаками. На это противопоставление «славным мужам» и «царским воеводам» казаков обратил внимание Д. С. Лихачев.¹³ Основываясь на том, что в основу синодика было положено «написание» казаков, Д. С. Лихачев считает, что синодик сохранил основную идею казачьего «написания», которая выражалась в изображении завоевания Сибири как дела Ермака, предпринявшего этот поход на свой страх и риск без участия Строгановых. «Эта тенденция, — пишет Д. С. Лихачев, — особенно резко сказалась в той части синодика, где было записано, что „ни от славных муж, ни царска повеления воевод... но от простых людей избра бог и вооружи славою и ратоборством и волностию атамана Ермака Тимофеева сына Поволского и со единомысленной и предоброй дружиной храбравшего“».¹⁴

В таком объяснении есть одна уязвимая сторона: нам трудно судить об идейном содержании «написания» по синодику или повести Есипова, составленных при тобольской архиепископии, где «написание» казаков не могло не подвергнуться значительной обработке. Может быть, противо-

¹⁰ Сибирские летописи, стр. 353.

¹¹ В качестве более общей причины следует назвать дальнейшее усиление централизации государства, в частности включение в этот процесс обширной территории Сибири. Это сказывалось в проведении административных мероприятий (в 1637 г. был создан специальный Сибирский приказ) и в идеологическом «освоении» Сибири (включение статьи «о взятии Сибири» в «Новый летописец» — официальное произведение о событиях польско-шведской интервенции и крестьянской войны, составленное в 1630 г.).

¹² Сибирские летописи, стр. 123 и 164.

¹³ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 395.

¹⁴ Там же.